

— Цинцин как?

— Тело можно считать погубленным. Хотя раны в основном поверхностные и лицо не задето, шрамы точно останутся. В этой профессии... я думаю, она больше работать не сможет. — Чжучжу теребила край юбки, ее руки мелко дрожали. — Цинцин сказала, что тот мужчина нанес всего десять ударов, десять! И даже такой дрянной плетью умудрился вспороть кожу до мяса!

Шан Хэ посмотрела на окровавленную плеть, с отвращением отбросила ее в сторону и положила банковскую карту на прикроватную тумбочку Цинцин:

— У того человека сердце все же не окончательно очерствело, Цинцин стоит радоваться. Он только что швырнул мне карту, там миллион, оставлю тебе. — Последнюю фразу Шан Хэ адресовала Цинцин, которая лежала с закрытыми глазами. — На самом деле, для тебя это может быть даже к лучшему. Выбери другой путь, ты еще молода.

Слезы Цинцин невольно покатались по щекам, она с ненавистью посмотрела на Шан Хэ и спросила:

— Чем я его вообще задела?! Я же в глаза его раньше не видела! Этот демон!

— Ты-то его не задевала, зато задела его драгоценную возлюбленную, а это для него табу.

Вернувшись в потемках домой, Сяо Жань прибрался в царившем там хаосе и, глядя на настенные часы, понял, что совершил ошибку.

Лучше бы он тогда сдержал гнев, а теперь лишь довел человека до того, что тот не хочет возвращаться домой. И что теперь делать?

Но каждый раз, когда он давал себе такой зарок, он снова и снова наступал на те же грабли...

А что поделать? Он просто слишком сильно его любит, слишком сильно дорожит им. Дорожит настолько, что даже когда Инь Жуйцзя бранит его и выгоняет, используя слова, ранящие подобно тысяче разрезов, он все равно, наплевав на гордость, остается. Инь Жуйцзя... должно быть, я задолжал тебе что-то в прошлой жизни, верно? Иначе с чего бы мне так добровольно унижаться?

Просидев дома два часа, он дождался рассвета. Сяо Жань взял сменный комплект одежды, от верхней до нижнего белья, аккуратно упаковал его и положил в машину.

Хоть он и надеялся на встречу, но, прибыв в компанию, обнаружил, что господин генеральный директор, обычно отличающийся пунктуальностью, отсутствует.

Сяо Жань был немного разочарован. А окружающие, словно напившись стимуляторами, при виде него с таким воодушевлением бросались навстречу, что, казалось, готовы были повиснуть на нем.

— Особый помощник Сяо, вы наконец-то вернулись! — Хэ Цинь при виде Сяо Жана словно увидела ангела. — Особый помощник Сяо, вы в порядке? Ради нашего общего счастья, пожалуйста, берегите себя!

— Что случилось? С чего вдруг столько внимания? — Сяо Жань листал вчерашние записи; многие документы, которые следовало разобрать еще вчера, все еще лежали без подписи.

Хэ Цинь с горечью произнесла:

— Особый помощник Сяо, вы даже не представляете, какую ярость вчера выплеснул генеральный директор — он едва не поджег офис! Впрочем, мы сами виноваты, что не такие способные, как вы. Директору то не нравилось, это не устраивало, а мы стали лишь громоотводами...

Сяо Жань почувствовал легкий укол совести и утешил Хэ Цинь:

— Ты ведь недавно устроилась, постепенно во всем разберешься.

Услышав это, Хэ Цинь стало немного легче. Хотя... она работает здесь уже два года, вроде бы тоже... не так уж мало...

Хм, но, конечно, не так долго, как особый помощник Сяо.

— Особый помощник Сяо, вчера досталось не только нам, менеджер Дин из отдела кадров и наш начальник тоже получили по полной.

Дин Цзыю и Ли Цин? Надо же, их тоже втянули.

Сяо Жань отложил документы, посмотрел на все еще пустующий кабинет генерального директора, дал Хэ Цинь несколько поручений и вошел внутрь один.

На столе, как и ожидалось, творился беспорядок: бумаги разного уровня важности свалили в одну кучу.

Без разрешения Инь Жуйцзя посторонним вход в кабинет генерального директора был воспрещен, но он был его особым помощником, а значит, обладал долей привилегий.

Почти все утро ушло на дела. Сяо Жань ознакомился с краткими сводками, поставил печать Инь Жуйцзя, а затем спустился вниз, чтобы найти Ли Цин.

Вернувшись, он обнаружил, что в офисе тихо. Хэ Цинь, глядя на него, указала пальцем в сторону кабинета и беззвучно произнесла губами: Генеральный директор пришел.

Сяо Жань взглянул на часы — почти пол-одиннадцатого.

Он передал Хэ Цинь стандартные документы, подготовленные Ли Цин для секретариата, и велел раздать каждому по экземпляру.

Вероятно, Ли Цин вчера тоже было неловко из-за того, что подчиненные показали себя такими никчемными, вот он и набросал за ночь свод правил, которые можно было назвать «квинтэссенцией», чтобы немного подтянуть знания секретариата.

Сяо Жань заварил чашку чая и постучал в дверь. Инь Жуйцзя лишь мельком взглянул на него и, не меняясь в лице, вернулся к документам.

Инь Жуйцзя все еще был в той же одежде, что и вчера, воротник рубашки помялся. На подбородке пробивалась щетина, а волосы выглядели так, будто он сам их растрепал — хоть и смотрелось это стильно, Сяо Жань сразу понял, что вчерашний день выдался для него тяжелым.

Инь Жуйцзя был из тех людей, кто в гневе терял способность здраво мыслить, и каждый раз, когда он ссорился с ним, то действовал по принципу: уничтожить тысячу врагов ценой потери восьмисот своих.

Но если бы он был слишком расчетливым... Сяо Жань вздрогнул, нет уж, лучше не надо.

— Жуйцзя, я был неправ. — Сяо Жань подошел, опустился рядом с ним на корточки и обнял за талию.

Человек над ним молчал.

— Жуйцзя, я вчера долго ездил на машине и искал тебя, я боялся, что с тобой что-то случилось.

— Жуйцзя, давай я больше не буду накручивать себя, хорошо? Я буду верить всему, что ты говоришь, ладно?

— Жуйцзя...

От его голоса у Инь Жуйцзя все внутри сжалось. Он опустил голову и встретился взглядом с его жалкими, полными мольбы глазами. Совсем как у щенка.

Инь Жуйцзя признавал, что Сяо Жань, когда вот так послушно прижимался к его коленям, выглядел довольно мило, вот только характер у него был слишком покладистый.

— Жуйцзя, — Сяо Жань понял, что раз тот готов на него смотреть, значит, гнев почти прошел, и решил воспользоваться моментом, чтобы заработать очки доверия, — Жуйцзя, я принес тебе одежду, иди переодейся. Я оставил ее в комнате отдыха.

Инь Жуйцзя, видя, с каким усердием тот пытается задобрить его, невольно вздохнул:

— Ну ты даешь... Если бы от твоих обещаний был толк.

— В этот раз я всерьез.

— Надеюсь.

Инь Жуйцзя поднялся и направился в комнату отдыха, где на односпальной кровати и правда лежала одежда.

Он обнял вещи — от них пахло жасмином, любимым ароматом Сяо Жаня. Стоило вдохнуть этот запах, как усталость словно рукой сняло.

И все-таки Сяо Жань лучше всех знал его слабые места: Инь Жуйцзя, словно какая-нибудь женщина, был до смешного мягкосердечен.

<http://bllate.org/book/21945/2280008>